

На моей руке — простой и совсем непримечательный для непосвящённого перстень. Он не отличается замысловатой отделкой и сделан из простого металла. Но, надевая его, я каждый раз испытываю пронизывающее чувство сопричастности к древнему миру. Перстень достался мне от моего дяди, Николая Александровича Штрейса (1910–1990) — брата моей мамы Милицы Анатольевны (урожденной Штрейс) (1911–1983). В школьные годы я каждое лето проводила в Москве у дяди. А так как он жил неподалёку от Новодевичьего кладбища, то, естественно, оно становилось местом моих прогулок и познания жизни и смерти известных людей. Среди других захоронений находилась и могила мамы Н.А. Штрейса, за которой я уже тогда начинала улаживать. И вот сейчас, когда я уже в преклонном возрасте, на участке похоронены и мой дядя со своей старшей сестрой — Марией Александровной Штрейс (1908–1992), проведшей 10 лет в сталинских лагерях. Сидя у их захоронений, я вспоминаю множество интересных событий, происходивших в прежние годы. О некоторых из них напоминает и перстень...

История этого перстня соединяет двадцать столетий и две уникальные страны — Италию и Россию. Она начинается с первого

года правления римского императора Тита Флавия Веспасиана и заканчивается сегодняшним днем.

В жаркий августовский день 79 года на Апеннинском полуострове началось извержение Везувия. Вулкан выбросил из кратера огромное количество огненной лавы, которая быстро распространилась и затопила находившиеся неподалеку от вулкана города: Помпеи, Геркуланум, Стабии, Оплонтис и все селения на склонах. За короткое время цветущие земли превратились в мёртвую гладкую поверхность. Под слоем лавы были заживо похоронены люди. «Поверят ли грядущие поколения, когда эта пустыня вновь зазеленеет, что под ней скрываются города и люди?» — писал современник событий римский писатель Стаций. Те, кто спасся от страшной стихии, постарались не вспоминать о трагедии. Время тоже помогало людскому забвению. В конце концов, о людях, погребённых под мощным наслоением, забыли...

Но в XVI веке возникла необходимость проложить водопровод к небольшому городу Торре — Аннунциата. Трасса водопровода проходила по диагонали через весь город Помпеи. На её пути попадались отдельные памятники, но архитектор Доменико Фонтана, под руководством которого производились работы, не понял, что открыл город. Его не убедила даже найденная им надпись «Помпеи». Он был уверен, что нашёл усадьбу. Началом раскопок Помпей принято считать 30 марта 1748 года, когда археолог Алькубиерре с разрешения неаполитанского короля начал поиски древностей в этом месте. Сама идея о необходимости раскопок на земле, где ранее находились города Помпеи и Геркуланум, возникла после того, как люди начали находить в тех местах ценные вещи, украшения, предметы обихода первых лет цивилизации. Они наводнили рынки и частные лавочки.

Одно из таких древних ювелирных изделий — простое колечко — приглянулось находившейся в Риме русской княгине Зинаиде Александровне Волконской. Красавица, женщина большого ума и блестящих дарований, Зинаида Александровна была одной из самых ярких и незабываемых женщин XIX века. Она происходила из известной семьи Белосельских — Белозерских. Вышла замуж в восемнадцать лет за брата декабриста Н.Г. Волконского, но вскоре после рождения сына супруги разъехались. Вне России, по воспоминаниям В.В. Вересаева, она блистала на международных конгрессах, устраивавших судьбу Европы после низвержения Наполеона, пользовалась «интимной Благоклонностью» Александра I.

В середине 1820-х годов Зинаида Александровна поселилась в Москве и устроила в собственном доме на Тверской литературный салон. В нём всё носило отпечаток искусства и мысли. Здесь собирались сановники и аристократы, поэты и художники, артисты и профессора. Молодёжь и пожилые люди одинаково любили дом Волконской. Всех их привлекал этот храм, где встречались и хорошо проводили время выдающиеся люди той эпохи: Пушкин, Гоголь, Мицкевич, Веневитинов, Брюллов, Бруни, Россини... По понедельникам в её салоне проходили



Зинаида Волконская

чтения новых произведений. В другие дни устраивались выступления лучших местных и приезжих артистов. Хозяйка дома принимала участие во всех концертах, и все, кому довелось слышать её пение, с восторгом вспоминали ее завораживающий голос — полное и звучное контральто. Восхищались и её игрой в опере Россини, где она блестяще исполняла роль Танкреда. З.А. Волконская была автором и исполнительницей заглавной роли в опере «Жанна Д'Арк». Пела на сценах парижских и римских театров.

Зинаида Волконская отличалась редко встречавшейся в то время у женщин независимостью и пренебрежением светскими условиями. Живая и непосредственная, она обладала особым даром сопереживания. Умела принять и обласкать человека, поставить его в ту обстановку — нравственную, физическую, общественную, которая была нужна для его работы и вдохновения. Волконская, как могла, помогала талантливым людям. Так, она повезла в Рим больного писателя С.П. Шевырева под предлогом сделать его воспитателем своего сына и тем спасла Шевыреву жизнь. В Риме она скрасила денежной и моральной поддержкой последние дни больного Гоголя.

Люди искусства любили Зинаиду Александровну за её таланты и душевную щедрость. Поэты посвящали ей стихи, посылали свои

произведения, зная, что найдут подлинного ценителя и тонкого критика. А.С. Пушкин, отдавая ей на суд свою поэму «Цыгане», приложил и поэтическое послание З.А. Волконской:

*Среди рассеянной Москвы, / При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы / Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты, / Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений, / И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком, / И вьётся, и пылает гений...*

Понятно, что такая женщина, несмотря на большую разницу в возрасте, целиком завладела мыслями молодого поэта Дмитрия Веневитинова. Волконской в то время было 33 года, а Веневитинову — 20. Это был юноша замечательной наружности: стройный, выше среднего роста, с бледным лицом и огромными глазами, оттеняемыми длинными густыми ресницами. Словно изваянное из мрамора лицо говорило о натуре впечатлительной. Дамы любовались его изяществом и красотой. В свои 20 лет Веневитинов был образованнейшим человеком. Он владел французским, английским, итальянским и древними языками, обнаруживал музыкальное дарование, занимался живописью. Уже в 14 лет он в подлиннике прочёл Горация, Эсхила и Софокла.



Дмитрий Веневитинов

Юноша без памяти влюбился в Зинаиду Александровну, проводил в её доме всё свободное время. Но Волконская, сыну которой к тому времени уже было 14 лет, смотрела на Веневитинова по-матерински. Любовь юноши была безответной. При решительном разговоре З.А. Волконская ласково объяснила, что может быть поэту только другом и, понимая состояние юного воздыхателя, чтобы как-то сгладить отказ, сняла с пальца и подарила ему тот самый перстень, который был найден при раскопках города Геркуланума и был куплен ею по случаю в одной из лавочек Рима. Веневитинов надел прощальный дар любимой

женщины на безымянный палец и пообещал никогда с ним не расставаться... Родители юноши настояли, чтобы Дмитрий покинул Москву, так как снедавшая его страсть губительно отражалась на здоровье и духовном состоянии.

В 1826 году Веневитинов уехал в Санкт-Петербург, где сразу же по рекомендации поступил на службу в Коллегию иностранных дел. Он попал в самую гущу интеллектуального мира своего времени. В Коллегии уже «трудилась» А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, В.К. Кюхельбекер, А.А. Дельвиг, А.М. Горчаков и многие другие. По поводу службы в Коллегии сохранились замечательные строки А.С. Пушкина в письме к А.И. Казначееву: «7 лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником...». Позднее здесь появится и Ф.И. Тютчев...

Директор департамента хорошо принял Дмитрия Веневитинова, сразу выделил его как подающего большие надежды юношу, но одному из сослуживцев с сожалением отметил, что «в глазах у него смерть». К несчастью, начальник департамента не ошибся: поэт был смертельно болен, но ещё не знал этого. При переезде из Москвы его арестовали в связи с разбирательством по делу декабристов и три дня продержали в сырой, холодной камере. Не оправившийся после смены климата и непривыкший к таким условиям организм не выдержал ещё и такого испытания.

В Коллегии Дмитрий работал переводчиком, а в свободное время, которого у него было предостаточно, писал стихи. Он все ещё не мог забыть З.А. Волконскую, о которой постоянно напоминал и перстень. Этот небольшой кусочек металла с зелёным камнем стал властелином его дум. Подогреваемое любовью воображение поэта рисовало картины погибших людей, наводило на мысль о собственной смерти, вызывало творческие муки. И вскоре выплеснулось на бумагу стихотворением «К моему перстню»:

*Ты был открыт в могиле пыльной, / Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной / Завещан будешь, перстень мой. <...>
О, будь мой верный талисман! / Храни меня от тяжких ран,
И света, и толпы ничтожной, / От едкой жажды славы ложной,
От обольстительной мечты / И от душевной пустоты <...>
Века промчатся и, быть может, / Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нём тебя откроет вновь: / И снова робкая любовь
Тебе прошепчет суеверно / Слова мучительных страстей
И вновь ты другом будешь ей, / Как был и мне, мой перстень верный.*

Как и предсказывал начальник департамента, Веневитинова вскоре не стало. Официальной причиной смерти объявлена

простуда: проживая во флигеле у Ланских, поэт, разгорячённый танцами, перебежал от них к себе в едва накинутой на плечи шинели. На улице стоял сильный мороз с характерной для северной столицы примесью сырости. После этого Дмитрий слёг и уже больше не встал с постели. Когда врачи объявили его состояние безнадежным, его друг Фёдор Хомяков надел перстень на палец умирающего. «Разве я женюсь?», — очнувшись, спросил поэт. «Нет», — ответил Хомяков. Веневитинов всё понял и беззвучно заплакал. Поэту не было и двадцати двух лет...

Многие исследователи иконографии отмечали, что Веневитинов был самым красивым из русских, а, возможно, и зарубежных писателей. По красоте и благородству черт лица его можно было сравнить, пожалуй, только с Байроном. Гибель поэта потрясла окружающих. А.С. Пушкин в отчаянии обвинял петербургских друзей: «Как вы могли допустить ему умереть?». Щемящее чувство жалости к молодому прекрасному юноше охватило всех пишущих. Его сравнивали с розой, лебедем... Весьма популярны тогда стали слова элегии В.А. Жуковского:

*Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастье, не знал он в мире сём,
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нём...*

Дмитрия отпели в Петербурге в соборе Николы Морского и отправили в Москву, где похоронили у бывшего Симонова монастыря. Друзья Веневитинова в течение многих лет собирались за поминальным столом в день его смерти. Как и полагалось, кресло и прибор поэта стояли пустыми. Шли годы, история забывалась... Но, как и предсказал поэт, прах его потревожили: то место, где он лежал, понадобилось для строительства современного сооружения. Когда был поднят и вскрыт цинковый гроб, на безымянном пальце обнаружили древний перстень. И так как он представлял определённый интерес для истории, перстень сняли и отправили в московский Литературный музей. Прах Веневитинова перезахоронили на Новодевичьем кладбище. Прессу опять всколыхнула трогательная история любви и смерти, затронувшая самые тонкие впечатлительные натуры людей, живущих уже в XX веке.

Запала она в душу и другого поэта, впоследствии профессора, доктора геолого-минералогических наук, выдающегося геолога-тектониста, создателя ряда теоретических направлений в науке — Николая Александровича Штрейса. Судьба этого учёного

далеко неординарна. О происхождении его фамилии существует две версии. Согласно первой Пётр I, находясь в Голландии, обратил внимание на виртуозно работавшего кузнеца. Пригласил его в Петербург и назначил придворным каретником. По другой — наиболее вероятной — фамилия произошла от знаменитого в своё время путешественника Я.Я. Стрейса, осевшего в Петербурге в петровское время. Кстати, в 1935 г. в Москве, в издательстве ИЗОГИЗ была выпущена книга с названием «Три достопримечательных и исполненных многих превратностей путешествия...» Автором её был сам Я.Я. Стрейс. Неудачно переведённая на русский язык фамилия получила немецкое начало и голландское завершение. Так в России появились Штрейсы.

Из-за этой фамилии в первые годы после революции 1917-го отец Н.А. Штрейса был расстрелян. Замечено было, что в его квартире собирались молодые люди и читали свои стихи. Сестра Н.А. Штрейса долгие годы провела в тюрьме, да и сам он был арестован и несколько месяцев провёл в Бутырке. Благодаря заступничеству ведущих геологов во главе с академиком А.Д. Архангельским, был выпущен из тюрьмы. Часто вспоминал, как в юношеские годы, сдавая экзамены на одни пятерки, в течение нескольких лет не был принят в вуз, подвергался и многим другим несправедливостям. Такая жизнь научила его осторожности и недоверчивости. Но, хотели или нет окружающие, талант его рвался наружу и выплёскивался... прежде всего в геологии. Достаточно сказать, что его кандидатская диссертация стала столь значительной, что Высшая аттестационная комиссия единогласно сочла необходимым придать ей статус докторской. Позднее за эту работу ему была присуждена весьма престижная премия Карпинского, вышла и его книга «Стратиграфия и тектоника зелёнокаменной полосы Среднего Урала».

Но Н.А. Штрейса привлекала не только геология. Это был человек разностороннего дарования. Ещё в юности его заметил



Надгробие Веневитинова

и стал с ним заниматься актёрским мастерством сам Б.В. Щукин. Увлечение театром было настолько велико, что Николай Александрович даже колебался в выборе профессии. Но геология перевесила. Тяга к искусствам осталась: уже работая в Геологическом институте Академии наук (ГИН АН СССР), он участвовал в любительских спектаклях, неизменно пользуясь успехом у публики. Позднее увлекся стихосложением и изучением живописи.

Глубина проникновения в интересовавшие его области искусств и природный артистизм сказались и здесь. Если в каком-либо музее он рассказывал своим друзьям о той или иной картине, вокруг почти всегда собирался народ. Известен случай, когда в одном из музеев Италии Николай Александрович, извинившись, поправил грубую ошибку гида и добавил столько, что экскурсовод посчитал себя ненужным. А ведь Штрейс находился тогда в Италии впервые! В свой выходной день он мог приехать из Москвы в Русский музей или Эрмитаж лишь только затем, чтобы посмотреть икону «Ангел Златые власы» или «поговорить» с «Антонией Сарате» Франсиско Гойи.

История Веневитинова растрожила Штрейса и не давала покоя его воображению... Потянуло увидеть перстень, почувствовать живое дыхание прошлого. И старый перстень вновь воззвал к поэту, всколыхнул его поэтическое дыхание. Так родилось еще одно стихотворение, ему посвященное, с названием «Перстень Веневитинова»:

*Ты дважды воскресал из праха, / Помпейца смуглая рука
С тобой одним, в объятьях страха / Застыла в кружеве платка.
Залог любви, какая тайна / Хранится в тайне роковой?
Твоя судьба необычайна, / Кому теперь владеть тобой?
На пальце хрупкого скелета / Века дышала эта страсть,
Чтоб сердце юного поэта / Могло взлететь, сгореть, упасть.
Безмолвный перстень, дар богини, / В минуты скорби и тоски
Он взял, как память о святыне, / Носить до гробовой доски.
Прикосновение металла / Могильной страстью обожгло,
Оно опять затрепетало, / И, неживое, ожило.
С мольбой, без ропота, без гнева, / Он нёс свой жребий до конца
И словом мощного напева / Взрывал упорные сердца.
И он умолк... его не стало. / Зарыли перстень с неживым.
И снова медленно дышала / В земле земная страсть над ним.
Прошло сто лет. Седые плиты / Разрушил дерзкий гражданин,
Но только язвами покрытый / Под ними перстень был один.
И вот, просторный зал музея / Теперь теснит его, как бронь.
Он, тусклым блеском пламеня, / Теряет царственный огонь.*

Впоследствии Н.А. Штрейс создал ещё много поэтических произведений...

Спустя почти тридцать лет история с перстнем Веневитинова получила неожиданное завершение. Штрейсу, уже известному не только в России, но и за рубежом профессору и доктору наук АН СССР, поручили вести молодую аспирантку, которая смущалась и неловко чувствовала себя с именитым учёным. Николай Александрович был удивительно прост в общении, находя близкие собеседнику темы. Обычно беседа развивалась, и смущение постепенно проходило. Так было и здесь. Разговор зашел о находившемся в музее перстне Веневитинова. Тогда Николай Александрович вспомнил о своём произведении. Аспирантка попросила показать его. Через несколько дней Штрейс принес своё стихотворение. Оно произвело столь сильное впечатление, что аспирантка попросила оставить ей стихотворение на несколько дней. Когда же она принесла его обратно, к бумаге была приложена копия того перстня, который хранится в Литературном музее. По рассказу Николая Александровича, аспирантка, показав стихотворение директору музея, упросила его скопировать древнее кольцо. И тогда стихотворение «Перстень Веневитинова» Н.А. Штрейса получило новую концовку:

*И я смотрю заворожённый, / Венчаться с тайной буду злой,
Чтоб тоже перстень воскрешённый / Носить с безумством и борьбой.*

Так старинное кольцо соединило во времени и заставило служить себе совершенно разных талантливых людей.

11 августа 1990 года Николая Александровича Штрейса не стало. Чтобы не искушать судьбу и не тревожить прах покойного, было решено похоронить его без перстня. При жизни Николая Александровича не были изданы его поэтические творения, так как в молодости он дал слово своему учителю Архангельскому не отвлекаться на сочинительство. Между тем, на всех, кто их читал или слышал, они производили сильное впечатление. В истинной ценности их можно не сомневаться. Да что говорить о блестящем поэтическом слогe Н.А. Штрейса, когда в одном из некрологов, рассказывавших о сугубо специальных работах, было напечатано: «...Труды Н.А. Штрейса, написанные совершенным научным языком, воспринимаются как произведения искусства...»

Сегодня, по воле судьбы, Д.И. Веневитинов и Н.А. Штрейс покоятся на одном, старом московском Новодевичьем кладбище неподалёку друг от друга...



Надгробие Штрейса

Памятник Веневитинову исполнен в духе XIX века с изображением урны, а памятник Штрейсу состоит из двух частей. Одна часть — невысокая стела с раковиной из чёрного габбро говорит о состоявшемся геологе. Другая, такой же высоты, как и первая, — стела из того же черного габбро находится на постаменте из белого мрамора. Она возвещает о неизвестном поэте. На этой стеле искусной рукой талантливое местного художника выточено лицо Штрейса и слова из его последнего произведения «Венок сонетов»:

*Я пронесил над бездной страшных дней
Любовь к России — горестно-прекрасной.
К ней всё приковывало страстно:
И бег лесов, и пелена полей,
И ширь степей, бунтующих безгласно,
И ветра шум, и трепет тополей,
И запах трав в падениях дождей,
И труд людей, затравленных напрасно...*

Специалист по древнегреческим и римским надписям, автор многих книг по латинской письменности профессор Московского университета Елена Васильевна Фёдорова считает эти слова лучшими на всём Новодевичьем кладбище.

Санкт-Петербург